

RELEVANT TOPIC

UDC 930.1(470.6)

Russian North Caucasus: Historical Memory vs Historical Policy

¹ Asiet Yu. Shadzhe

² Ludmila R. Khut

³ Elena S. Kukva

¹⁻³ Adyghe State University, Russian Federation
Pervomayskaya st., 208, Maikop, Republic of Adygea, 385000

¹ Dr (Philosophy), Professor
E-mail: shadzhe@maykop.ru

² Dr (History), Professor
E-mail: ludmila1302@mail.ru

³ PhD (Sociology)
E-mail: kukva@rambler.ru

Abstract. This article analyzes the content of such terms as «historical memory» and «historical policy»; and carries out their projection on current realities of the Russian Northern Caucasus. We offer possible answers to the question “what to do with the attempts of various actors of historic policy to exploit historical past of the Northern Caucasian peoples, Circassians in the particular. We justify the position that culture is the basis not only for the relationship of memory and identity, but also for mutual understanding among nations. We conclude that the policy, based on dialogue, should be focused on inter-ethnic harmony and preservation of each cultural/ethnic unity in the poliethnic region. In order to strengthen the unity of the nation’s civil and Russian national identity, we raise the problem of combining components to identify all Russian ethnic groups.

Keywords: Historical memory; identity; historical policy; culture; Russian Northern Caucasus; Russian civil nation.

Введение. Одной из болевых точек современной России является Северный Кавказ. Диапазон умонастроений россиян, формируемых СМИ, на уровне массового общественного сознания чрезвычайно широк. От «нет Северного Кавказа – есть южная Россия!» до «хватит кормить Кавказ!» и вообще «Кавказ, goodbye!» Внимание к этому региону актуализировали также XXII Зимние Олимпийские игры 2014 г. в Сочи.

Цель данной статьи – показать, в каком соотношении на северокавказском рубеже России находятся сегодня историческая память этносов и разнообразные практики исторической политики, предложить возможные варианты ответа на вопрос, что делать с предпринимаемыми различными акторами исторической политики попытками эксплуатации исторического прошлого.

Материалы и методы. При написании данной статьи были использованы историографические источники – исследования отечественных и зарубежных историков, социологов, философов по проблемам исторической памяти и исторической политики, привлечены материалы исторической блогосферы Рунета по северокавказской регионалистике. Исследование носит междисциплинарный характер, оно осуществлялось на основе комплексного подхода, принципа историзма, историко-логического и историко-сравнительного методов.

Обсуждение. Проблемой памяти интересовались многие мыслители прошлого, начиная с эпохи античности. Обращение к этой проблеме мы находим в текстах древнегреческих философов и средневековых мыслителей, которые рассматривали память как внутреннее, сущностное свойство человека, способное отразить, сохранить и передать последующим поколениям многообразие окружающего мира.

Понятия «память» и «воспоминание» часто употребляются как синонимы, однако понятие памяти следует воспринимать как собирательное для свойственного определенной культуре, нации, эпохе набора образов, текстов и ритуалов, благодаря культивированию которых стабилизируется ее (культуры) автопортрет, с тем, чтобы отмежеваться от другой культуры. Под воспоминанием понимаются индивидуальные или коллективные акты доступа к прошлому [1].

Однако нас интересует воспоминание прошлого не только в сознании индивида, но и этноса. Американский исследователь А. Мегилл совершенно справедливо отмечает, что «коллективная память возникает в том случае, когда множество людей участвует в одних и тех же исторических событиях. Тогда можно говорить о том, что эти люди имеют коллективную память о данных событиях, но не в смысле некой надиндивидуальной памяти – поскольку нет «памяти» вне индивидов, – но в том смысле, что каждый человек имеет (в границах своего собственного сознания) образ, опыт или гештальт, который пережили также и другие люди. Кроме того, эти образы или гештальты в большой степени совпадают, иначе память не была бы «коллективной» [2].

Из множества современных исследований о том, как общество конструирует свое прошлое, классикой жанра стал пятитомный мегапроект коллектива французских историков под руководством академика П. Нора «Места памяти» (1986–1993), в котором была предпринята амбициозная попытка изучения коллективной памяти французов. Формирующей национальной идентичность французов основой здесь выступают т.н. «места памяти», к которым прикрепляется память памяти», как известно, была предложена еще в начале XX в. одним из основателей теории исторической памяти французским социологом М. Хальбваксом [3], а позже продолжена П. Нора. «Места памяти» («территория памяти»), по П. Нора, представляют собой «всякое значимое единство материального или идеального порядка, которые воля людей или работа времени превратила в символический элемент наследия памяти некоторой общности» [4].

Современные российские "memory studies" вслед за западными направлениями рассматривают историческую память как сложный социокультурный феномен. По словам Л.П. Репиной, историческая память представляет собой «одно из измерений индивидуальной и коллективной/социальной памяти – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация прошлого. Историческая память - не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования социальных групп в настоящем» [5]. Авторский коллектив Российского института культурологии в своем коллективном труде «Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке» определяет и связывает между собой «политику памяти» (манипуляции памятью в чьих-либо интересах) и «политику идентичности» (возможность создавать, уничтожать или корректировать те или иные образы прошлого, изменяя тем самым у социальной общности образ себя и окружающих) [6]. С подобными интерпретациями созвучна теория и практика «исторической политики», интерес к которой наблюдается вслед за всплеском интереса по отношению к феномену исторической памяти, переживаемого российской социогуманитаристикой за последние десятилетия.

Происхождение термина «историческая политика» исследователи связывают с событиями начала 1980-х гг. в Германии, когда ответом на попытку тогдашнего канцлера ФРГ Г. Коля добиться «морально-политического поворота» и более позитивного характера немецкого патриотизма стал знаменитый «спор историков» («historikerstreit») о причинах возникновения нацизма и о Второй мировой войне. В ходе этих дискуссий и возник термин «историческая политика» («geschichtspolitik»), который использовали оппоненты предлагавшейся политики, вследствие чего сам термин приобрел отчетливо критический характер. Позднее, в середине 2000 гг., термин получил широкое распространение в Польше и в Украине, прежде всего в процессе «отталкивания» от России и отказа от «наследства» социалистической эпохи. В 2004 г. группа польских историков выступила с инициативой разработки и проведения активной исторической политики («polityka historyczna»). При этом, в отличие от Германии, в Польше термин «историческая политика» был использован самими инициаторами и сторонниками такой политики, т.е. применялся как самоназвание. К концу первого десятилетия XXI в. этот термин стал активно применяться исследователями для описания процессов и практик в политике посткоммунистических государств Восточной Европы [7].

Что касается актуализации термина «историческая политика» в отечественном историографическом пространстве, то одной из первых публикаций на страницах российской периодики была статья польского общественного деятеля, историка, журналиста А. Михника «Историческая политика: российский вариант», опубликованная в 2006 г. в журнале «Родина» [8]. В 2009 г. журнал «Pro et Contra» полностью посвятил один из своих номеров исторической политике

[9]. В 2012 г. под редакцией А.И. Миллера и М. Липман вышел фундаментальный сборник «Историческая политика в XXI веке» [10]. В мае 2013 г. в Москве состоялась международная научная конференция «Историческая политика: российский и польский варианты», организованная факультетом «Artes Liberales» Варшавского университета, Институтом гуманитарных историко-теоретических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Международным историко-просветительским, благотворительным и правозащитным обществом «Мемориал» [11].

Историческая политика, по мнению одного из ее российских исследователей А.И. Миллера, — это набор практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие [12]. «Моделирование исторического сознания и исторической памяти подданных и манипулирование ими и есть историческая политика государства» [13], — утверждает В.Э. Молодяков. В свою очередь, Я.В. Шимов понимает под исторической политикой «попытку моделирования исторической памяти общества, расставление в отношении явлений, событий и деятелей прошлого оценок и акцентов, которым придается статус общепринятых» [14]. На вопрос, зачем и кому это нужно, И. А. Калинин отвечает, что «определенным образом присвоенное и проинтерпретированное прошлое позволяет политической элите обосновывать свое право на власть не только через обращение к результатам выборов и полученному в конкурентной борьбе праву на представительство, но и через обращение к праву наследования, к фигуре исторического выбора, укорененного в традиции» [15].

Неотъемлемый элемент исторической политики — разрушение пространства для диалога [16]. В публикациях активистов исторической политики диалог «последовательно заменяется спорами «патриотов и предателей», в котором в идеале «предатели» должны быть лишены права голоса» [17].

Историческая политика, проводимая российскими властями сегодня, направлена на выработку и внедрение в общественное сознание концепции национальной истории, в которой государство предстает как средоточие и основной смысл русской исторической традиции. Именно на такой «государственнической» основе происходит попытка создания «синтетической» версии истории, в рамках которой СССР служит естественным продолжением прежней России, а государство рассматривается как высшая социальная ценность. В изложении исторического материала упор делается на государственные и военно-политические факторы, исходя из которых и оценивается роль тех или иных деятелей или событий [18].

В основе каждой исторической политики лежит базовый сюжет, зачастую приобретающий характер мифа. Для исторической политики постсоветской России базовым сюжетом является Великая отечественная война с акцентом на Победу. «Уберите у существующего сейчас в России строя память о Второй мировой войне, — отмечает чл.-корр. РАН П.Ю. Уваров, — все, больше ничего нет, все рухнуло, это последнее, что может его цементировать. Больше нет ни одного объединяющего элемента для исторического сознания» [19].

Что касается северокавказских народов, то здесь базовым сюжетом является Кавказская война XIX в. Как символическими объектами памяти у французов выступают Жанна д'Арк и Триумфальная арка, так символическими объектами памяти у адыгов, одного из коренных этносов Северо-Западного Кавказа, выступают Красная поляна — последний очаг черкесского сопротивления на завершающем этапе этой войны, и тесно связанная с войной трагедия махаджирства — массового исхода представителей коренных северокавказских этносов за пределы исторической родины.

Бряд ли историк-профессионал будет спорить с мыслью о том, что «правда представляет ценность сама по себе. Независимо от того, во что мы хотели бы верить в отношении того или иного предмета, мы обязаны раскрывать правду» [20]. Однако кто, как не те же историки, знает, что одно и то же событие, один и тот же процесс можно интерпретировать совершенно по-разному, не только в зависимости от степени своей профессиональной добросовестности или недобросовестности, но и политических взглядов, идеологических предпочтений, гендерной и национальной идентичности и т.д. «Интерпретация прошлого всегда несет определенный риск, особенно проявляющийся в условиях политически и социально разделенного общества, т.к. это равным образом и интерпретация настоящего» [21].

Учебники отечественной истории сегодня, особенно если сравнивать между собой федеральный комплект и многочисленные региональные версии, не устают удивлять противоположностью избранных интерпретационных стратегий. Это ярко видно на примере такого "трудного" места памяти, как Кавказская война: от фигуры умолчания или характеристики событий этой войны, что называется, «телеграфной строкой» до подробного многостраничного рассказа о перипетиях этой войны, связанных с ней бедствиях, в том числе трагедии выселения, и т.д.). Одни и те же исторические персоналии — это в одном случае герои национальной истории, российской или кавказской, в другом — соответственно завоеватели или бандиты [22].

Как же возможно преодоление или хотя бы минимизация неизбежных рисков разнообразных практик исторической политики? В поисках ответа на этот вопрос представляется оправданным помещение проблемы «историческая память vs историческая политика» в контекст культуры. В каждой культуре как сложной саморазвивающейся системе формируются особые информационные

структуры-коды, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий). Эти информационные структуры-коды определяют способы воспроизводимости системы как целого (В.С. Степин). Такими информационными структурами в культуре являются ее базисные ценности и смыслы, которые значимы для каждого человека и народа, поскольку они определяют отношение человека к миру/происходящим событиям, а также являются ориентирами и регуляторами его поведения. Более того, ценности и смыслы, являясь наиболее устойчивыми элементами культуры, являются скрепой «мы»/ «свои» на разных уровнях идентичности.

Как отмечает О.Н. Астафьева, «культура посредством ценностей, языка, ментальности, традиций памяти придает осмысленность прошлому существованию и опыту совместного бытия людей, выступая основанием для идентификации коллективного субъекта. В свою очередь, границы идентификационных матриц коллективных идентичностей в той или иной степени подвижны, идет ли речь о гражданской, политической, этнокультурной, национально-культурной, транснациональной идентичности и др.» [23].

Пространство культуры представляет собой некоторое пространство памяти. С одной стороны, культура помогает понять смысл памяти. Память, в свою очередь, формирует ценностно-мировоззренческие ориентации человека/группы. С другой стороны, память выступает основой культуры. Совершенно справедливо отмечал Д.С. Лихачев в своей работе «Искусство памяти и память искусства», что «одна из величайших основ, на которых зиждется культура, – память». В созидании культуры участвуют многие поколения людей. Культура передается из поколения в поколение, накапливается. При этом память вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий [24].

С культурой связана и идентичность. Например, этническая идентичность формируется в определенной культурной среде. В северокавказском обществе характерологическими особенностями идентификационных процессов выступают этнокультурные маркеры. В определении своей идентичности важная роль принадлежит, безусловно, коллективной памяти северокавказских народов.

Культура формирует личность, помогает идентифицировать себя с определенной социальной общностью. Это положение может быть перенесено и в плоскость этноса. Личность, идентифицируя себя со своим этносом, этнической группой, народом, может реализовать память в этнической культуре. Знание этнических культур и межкультурный диалог способствуют взаимопониманию друг друга.

Профессор Калифорнийского университета С. Бенхабиб определяет моральные, этические и оценочные составляющие культуры и подчеркивает, что «культуры представляют смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через слова и дела носителей». Бенхабиб пишет: «По мере накопления наших знаний о других культурах и о нас самих растет и наше ощущение относительности... Чем больше мы понимаем, тем больше способны простить, [и поэтому] в изучении человеческой культуры и общества [действует принцип: все понять – значит все простить]» [25].

Важно стремление к пониманию другой культуры. С одной стороны, усвоение и понимание той или иной культуры требуют самоидентификации с ней. Определяя свою идентичность, личность вживается в другую культуру, познает ее ценности. С другой – культура является основой взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего; идентичности и исторической памяти.

В современных условиях, в условиях кризиса, во всех сферах нашего бытия вновь актуализирована проблема формирования историко-культурной памяти. Говоря словами крупнейшего социолога Европы З. Баумана, «мы должны помнить – но что?» И для чего помнить? Чтобы понять, какое общество возникло из истории, и каковы мы, составляющие это общество? Научили ли нас уроки истории сохранять человеческое в себе, живя в условиях кардинальной переоценки отношения ко многим вопросам человеческого бытия? Каков наш ценностный мир? Каким мы видим свое будущее? Какова связь будущего с памятью? Что может стать основой этого будущего общества?

Отметим, что в поисках «ответов» на «вызовы» современности обращение только к нормам и законам этносов, к исторически сформировавшимся этнокультурным ценностям не решит проблемы. Мы все прекрасно понимаем, что эти социокультурные институты в том виде, в каком они исторически формировались, не могут быть возрождены.

Трагические события и страницы запечатлены остро в памяти каждого этноса и каждой нации. Это наше прошлое, из которого мы вышли. Однако, памятуя о прошлом, исторических корнях своего этноса, проявляя уважение к исторической памяти, важно соотносить с современностью, преодолевая крайности, вызванные либо политической конъюнктурой, либо чрезмерной идеологизацией – по отношению к памяти. Время сведения счетов друг с другом и со временем прошло. Необходимо вступить с прошлым в диалог, в новый диалог, подчинив историческую память формированию гражданина-патриота, знающего историю своей страны, своей земли, своего народа. Такая работа возможна в сфере культуры. Только в рамках культуры и культурной традиции может быть рассмотрен и выявлен смысл памяти.

Один из возможных способов снижения рисков практик исторической политики - помещение остродискуссионных проблем во всемирно-исторический контекст и рассмотрение их с позиций исторической компаративистики. Например, в контексте анализа взаимосвязей и взаимозависимостей мира XIX столетия можно провести параллели между процессами, происходившими, допустим, на Балканском полуострове в 1860–1870-е гг., и той же Кавказской войной и последовавшим за ней махаджирством. Ведь, как известно, черкесы были расселены по территории всей Османской империи, включая и ее европейские владения, т.е. на Балканском полуострове. Исследователям известно, как трансформировался образ черкеса-махаджира в иноэтничной и иноконфессиональной среде, как суждено было черкесам сыграть в истории православных народов Балканского полуострова ту же роль, какую казаки сыграли в их собственной трагической судьбе [26].

Помимо исторической компаративистики, еще один перспективный подход – историко-антропологический, в контексте которого не придется выбирать между «русскими завоевателями» и «дикими горцами». Речь идет об обращении к проблеме «человек в истории», но не с целью ее идеологизации и создания списков «врагов» нации, ибо патриотизм определяется не количеством произнесенных мантр о том, что «нация – это высшая ценность», а, как справедливо заметил А. Михник, «мерой стыда, который человек испытывает за преступления, совершенные от имени его народа» [27].

Наконец, перспективной областью исторических исследований можно рассматривать, и об этом уже пишут исследователи [28], изучение интегративных факторов в истории отношений между народами Кавказа и Россией. «Конечно, на самом деле любая национальная история пишется «реверсивным» методом: из настоящего в прошлое, ситуация настоящего проецируется на прошлое» [29]. Проецируя, в свою очередь, это теоретическое рассуждение на контекст интересующей нас исторической реальности, мы не погрешим против профессионального этикета историка, если будем объяснять методами своей науки, почему мы, русские и кавказцы, в конце концов оказались в одной лодке. А это значит, что сюжетам мирного сосуществования надо уделять больше внимания, чем истории вражды.

Отдельно хотелось бы сказать о том, что в состоянии сделать каждый из нас, отечественных гуманитариев, в плане просветительства, своего рода «хождения в народ». В качестве иллюстрации к сказанному приведем пример из блогосферы Рунета. В ней сегодня немало блогов с исторической тематикой. Их ведут как профессиональные историки, так и люди, интересующиеся историей. К историческим блогам Рунета относится и блог «Северный Кавказ сквозь столетия», который ведет на платформе сайта «Кавказский узел» московский историк-кавказовед кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН Наима Аминовна Нефляшева [30]. В первом же своем посте автор объясняет причины, побудившие ее обратиться к жанру интернет-дневника: «...сейчас, как и 150 лет назад, Кавказ остается особым и самым проблемным регионом России, здесь по-прежнему сталкиваются интересы ведущих мировых держав, а в российской политике, как всегда, существуют свои «голуби» и «ястребы», свои Воронцовы и Ермоловы. Читающая публика в средней полосе России, как уже было в XIX веке, содрогается от зловещих мифов о коварных горцах, не способных якобы вписаться в цивилизованное общество и воспринимает Кавказ как параллельный неведомый мир, а современные интеллектуалы пророчат Кавказу будущий самоуправляющийся Хаос». Главный посыл здесь – помочь согражданам «понять Кавказ», т.е. развеять те многочисленные мифы о Кавказе и кавказцах, которые присутствуют в массовом общественном сознании россиян сегодня через обсуждение сюжетов кавказской истории, «которые явно, а может быть, и не столь прямолинейно, можно спроецировать на современность» [31]. Н.А. Нефляшева – профессиональный историк, выпускница Санкт-Петербургского государственного университета. Являясь представительницей адыгского народа, родившись и прожив здесь немалое количество лет, сегодня она живет и работает в Москве, но хорошо знает реалии жизни региона. Автор не отвлекается на очередные «актуальные проблемы», постоянно появляющиеся в беспокойном политическом поле России сегодня, но прямо не связанные с историческим прошлым и современным состоянием Северного Кавказа. Четко и методично она «следует своим курсом» и в каждом новом посте предлагает читателям частичку нового знания о своей малой родине. Так, серия интересных, информационно насыщенных постов была предложена читателям блога в связи с Олимпиадой-2014. В них любой желающий мог найти сведения о топонимах черноморского побережья (Адлер, Хоста, Мацеста, Дагомыс, Сочи и др.), о происхождении названия главного олимпийского стадиона Фишт и о мифологии гор у черкесов, о героях нартского эпоса, в частности о легендарном Сосруко – адыгском Прометее, подарившем огонь людям, но так и не ставшем символом Олимпийских Игр в Сочи.

Заключение. Память связывает прошлое, настоящее и будущее. Прошлое зафиксировано в разных формах памяти. Безусловно, прошлое в современной жизни приобретает новое содержание. При оценке прошлого из настоящего мы соотносим его с современностью, а это позволяет выявить новые смыслы прошлого, что изменяет контекст существования прошлого. Поэтому мы находим в прошлом новое содержание, новый смысл и новое понимание.

Память ценна тем, что она соединяет человека с прошлым, формирует представление родины и чувство самосознания. Пренебрежение к прошлому, этнокультурным ценностям нарушает естественный процесс саморазвития этноса.

Память и идентичность формируются в определенной социокультурной среде. Что касается северокавказского региона, то в целом социокультурная основа памяти и идентичности здесь связана с выявлением и оценкой значимости этничности и прошлого в сознании и поведении индивида/этноса. Поэтому в качестве показателя социокультурных перемен здесь выступают изменения в этнических системах, в которых формируются разные виды/уровни идентичности и поддерживается культурно-историческая память, на основе которых рождаются новые решения.

Несмотря на то, что не существует простых и готовых рецептов достижения гармонии в полиэтничном регионе, формирования гражданского сознания в обществе, целый ряд факторов - и политических, и экономических, социальных, и т.д. - играют в этом процессе большую роль. Однако проблема поддержания культурной памяти и коллективной идентичности может и должна решаться на федеральном и региональном уровнях.

В современных условиях, в условиях формирования и укрепления российской национальной идентичности, следует выявлять общие корни страны, общие/опорные компоненты, которые «работают» на единство гражданской нации, на сохранение гражданского мира и единства России. Это – наша общая история, российская культура, наша природа, спортивные достижения нашей страны и т.д. Вопрос памяти и идентичности – это вопрос сотрудничества и взаимопонимания. Именно поэтому в современных условиях мы должны подчинить свою диалогичность, свою культуру мышления, слово и дело сохранению гражданского мира и нашего «единства в многообразии». И только тогда каждый из нас может считать себя человеком современной цивилизации.

Культурная политика в стране и регионах должна быть направлена на сохранение каждой культурной/этнической единицы и укрепление нашего «единства в многообразии». При этом правящая элита не должна руководствоваться крайними принципами «назад к традиции» или «долой традиции». Стратегические задачи в этой сфере определены Правительством РФ в Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)». Документ подготовлен в соответствии со «Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Программа призвана обеспечить координацию государственной национальной политики, выработку региональных стратегий этнокультурного развития, поддержку диалога между органами государственной власти и общественными национальными и религиозными объединениями.

Примечания:

1. Файхтингер Й. По ту сторону методичного национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе // Вопросы философии. 2007. № 9. С. 37.
2. Мегилл А. Историческая эпистемология / пер. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 113.
3. См. переводы на русский язык: Хальбвакс М. Коллективная и историческая память [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3 (40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 18.04.2014); Его же. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкин. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
4. Нора П. Как писать историю Франции? // Франция – память. СПб., 1999. С. 78-79.
5. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. С. 414.
6. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: / отв.ред. Н.А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2012. 176 с.
7. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С. 8.
8. Михник А. Историческая политика: российский вариант // Родина. 2006. № 6. С. 9.
9. Pro et Contra. 2009. № 3-4. Историческая политика.
10. Историческая политика в XXI веке: сб. ст. / науч. ред. А.И. Миллер, М. А. Липман. М., 2012.
11. URL:<http://www.hse.ru/data/2013/05/09/1299306096/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%Bo%D0%BC%D0%BC%D0%Bo%20%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%Bo%D1%82%D1%8B.pdf> (дата обращения: 18.04.2014)
12. Миллер А.И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3-4. Историческая политика. С. 10.
13. Молодяков В.Э. Историческая политика и политика памяти // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / под редакцией Г.А. Бордюгова. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 16.
14. Шимов Я.В. Борьба за русскую историю и монополия государства // Русский вопрос. 2013. №2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskiivopros.com/?pag=one&id=510&kat=6&cs1=62> (дата обращения: 19.04.2014)
15. Калинин И.А. Прошлое как ограниченный ресурс: историческая политика и экономика ренты // Неприкосновенный запас. 2013. № 2(88) [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/ki8.html> (дата обращения: 19.04.2014).

16. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С.23.
17. Миллер А.И. Историческая политика в России: новый поворот? // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С. 339.
18. Шимов Я. В. Указ. соч.
19. «Нужна совместная кропотливая работа ученых, а не чиновные приказы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/08/10/istorija/> (дата обращения: 18.04.2014).
20. Химка Дж. П. Дружественные вмешательства: борьба с мифами в украинской истории XX в. // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С.427.
21. Шеуджен Э.А. Историческая память и проблемы Кавказской войны // Кавказская война: уроки истории и современность. (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.). Майкоп, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://arigi.adygnet.ru/hist/work.htm> (дата обращения: 28.04.2014).
22. Подробный анализ учебной литературы см.: Кринко Е. Ф. События и герои Кавказской войны в учебной литературе // Кавказская война: уроки истории и современность (Материалы Всероссийской научно-практической конференции, состоявшейся 19-22 мая 2004 г.). Майкоп, 2006. С. 290-301.
23. Астафьева О.Н. Историческая память как ресурс культурной политики и формирование коллективной идентичности // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: / отв. ред. Н.А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2012. С. 98.
24. Лихачев Д.С. Искусство памяти и память искусства // Критика и время: литературно-критический сборник / сост. Н.П. Утехин. Л.: Лениздат, 1984. С. 68.
25. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. С. 47, 36.
26. См. подробнее: Кудяева С.Г., Хут Л.Р. Адыгские махаджеры на Балканах // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Вып. VIII. Майкоп, 1991. С.187-209.
27. URL: <http://www.polit-portret.ru/russia/patriotism/> (дата обращения: 18.04.2014).
28. Матвеев О.В. Политика России на Северо-Западном Кавказе 1830–1864 гг. в научной деятельности современных отечественных исследовательских центров и высших учебных заведений [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2012. №12. URL: <http://www.teoriapractica.ru/-12-2012/history/matveev.pdf> (дата обращения: 22.04.2014)
29. Касьянов Г.В. Национализация истории в Украине // Историческая политика в XXI веке: сб. ст. М., 2012. С. 248.
30. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927> (дата обращения: 21.04.2014).
31. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/6370> (дата обращения: 21.04.2014).

References:

1. Fajhtinger J. Po tu storonu metodichnogo nacionalizma. Perspektivy kul'tury, istoricheskoy pamjati i identichnosti v Evrope // Voprosy filosofii. 2007. №9. S. 37.
2. Megill A. Istoricheskaja ehpistemologija / per. M. Kukarcevoj, V. Kashaeva, V. Timonina. М.: «Kanon +» ROOI «Reabilitacija», 2007. S. 113.
3. См. perevody na russkij jazyk: Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' [Ehlektronnyj resurs] // Neprikosnovennyj zapas. 2005. №2-3 (40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (data obrasheniya: 18.04.2014); Ego zhe. Social'nye ramki pamjati / per. s fr. i vstup. st. S.N. Zenkin. М.: Novoe izdatel'stvo, 2007. 346 s.
4. Nora P. Kak pisat' istoriju Francii? // Francija – pamjat'. SPb., 1999. S. 78-79.
5. Repina L.P. Istoricheskaja nauka na rubezhe XX-XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaja praktika. М.: Krug, 2011. S. 414.
6. Kulturnaya pamyat v kontekste formirovaniya natsionalnoy identichnosti Rossii v XXI veke: / отв. red. N.A. Kochelyaeva. М.: Sovpadenie, 2012. 176 s.
7. Miller A.I. Istoricheskaja politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI v. // Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. М., 2012. S.8.
8. Mihnik A. Istoricheskaja politika: rossijskij variant // Rodina.2006. №6. S.9.
9. Pro et Contra. 2009. #3-4. Istoricheskaja politika.
10. Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. / nauch. red. A.I. Miller, M. A. Lipman. М., 2012.
11. URL: <http://www.hse.ru/data/2013/05/09/1299306096/%D0%BF%D1%80% D0%BE%D0%B3%D1%80%D0% B0%D0%BC%D0%BC%D0%B0%20%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%B0%D1%82%D1%8B.pdf> (data obrasheniya: 18.04.2014)
12. Miller A.I. Rossija: Vlast' i istorija // Pro et Contra. 2009. №3-4. Istoricheskaja politika. S. 10.
13. Molodjakov V.Eh. Istoricheskaja politika i politika pamjati // Istoricheskie issledovaniya v Rossii – III. Pjtnadcat' let spustja / pod redakciej G.A. Bordjugova. М.: AIRO-XXI, 2011. S. 16.
14. Shimov Ja.V. Bor'ba za russkiju istoriju i monopolija gosudarstva // Russkij vopros. 2013. №2. [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://www.russkiivopros.com/? pag=one&id=510&kat=6&csl=62> (data obrasheniya: 19.04.2014)
15. Kalinin I.A. Proshloe kak ogranichennyj resurs: istoricheskaja politika i ehkonomika renty // Neprikosnovennyj zapas. 2013. №2(88) [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/2/k18.html> (data obrasheniya: 19.04.2014).

16. Miller A.I. Istoricheskaja politika v Vostochnoj Evrope nachala XXI v. // Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. M., 2012. S. 23.
17. Miller A.I. Istoricheskaja politika v Rossii: novyj povorot? // Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. M., 2012. S. 339.
18. Shimov Ja. V. Ukaz. soch.
19. «Nuzhna sovmestnaja kropotlivaja rabota uchenyh, a ne chinovnye prikazy» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/08/10/istorija/> (data obrasheniya: 18.04.2014).
20. Himka Dzh. P. Druzhestvennye vmeshatel'stva: bor'ba s mifami v ukrainskoj istorii XX v. // Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. M., 2012. S. 427.
21. Sheudzhen Eh.A. Istoricheskaja pamjat' i problemy Kavkazskoj vojny // Kavkazskaja vojna: uroki istorii i sovremennost'. (Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, sostojavshejsja 19-22 maja 2004 g.). Majkop, 2006. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://arigi.adygnet.ru/hist/work.htm> (data obrasheniya: 28.04.2014).
22. Podrobnij analiz uchebnoj literatury sm.: Krinko E. F. Sobytiya i geroi Kavkazskoj vojny v uchebnoj literature // Kavkazskaja vojna: uroki istorii i sovremennost' (Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, sostojavshejsja 19-22 maja 2004 g.). Majkop, 2006. S. 290-301.
23. Astaf'eva O.N. Istoricheskaja pamjat' kak resurs kul'turnoj politiki i formirovanie kollektivnoj identichnosti // Kul'turnaja pamjat' v kontekste formirovanija nacional'noj identichnosti Rossii v XXI veke: / otv.red. N.A. Kocheljaeva. M.: Sovpadenie, 2012. S. 98.
24. Lihachev D.S. Iskusstvo pamjati i pamjat' iskusstva // Kritika i vremja: literaturno-kriticheskij sbornik / sost. N.P. Utehin. L.: Lenizdat, 1984. S. 68.
25. Benhabib S. Pritjazanija kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'nuju ehru / per. s angl.; pod red. V.L. Inozemceva. M.: Logos, 2005. S. 47, 36.
26. Sm. podrobnее: Kudaeva S.G., Hut L.R. Adygskie mahadzhiiry na Balkanah // Kul'tura i byt adygov (Ehtnograficheskie issledovanija). Vyp. VIII. Majkop, 1991. S. 187-209.
27. URL: <http://www.polit-portret.ru/russia/patriotism/> (data obrasheniya: 18.04.2014).
28. Matveev O.V. Politika Rossii na Severo-Zapadnom Kavkaze 1830-1864 gg. v nauchnoj dejatel'nosti sovremennyh otechestvennyh issledovatel'skih centrov i vysshih uchebnyh zavedenij [Elektronnyj resurs] // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2012. #12. URL: <http://www.teoria-practica.ru/-12-2012/history/matveev.pdf> (data obrasheniya: 22.04.2014)
29. Kas'janov G.V. Nacionalizacija istorii v Ukraine // Istoricheskaja politika v XXI veke: sb. st. M., 2012. S. 248.
30. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927> (data obrasheniya: 21.04.2014).
31. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/6370> (data obrasheniya: 21.04.2014).

УДК 930.1(470.6)

Российский Северный Кавказ: историческая память vs историческая политика

¹ Асиет Юсуфовна Шадже

² Людмила Рашидовна Хут

³ Елена Сергеевна Куква

¹⁻³ Адыгейский государственный университет, Россия
385000, Республика Адыгея, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208

¹ Доктор философских наук, профессор

E-mail: Shadzhe@maykop.ru

² Доктор исторических наук, доцент

E-mail: ludmila1302@mail.ru

³ Кандидат социологических наук

E-mail: kukva@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется содержание терминов «историческая память» и «историческая политика», осуществлена их проекция на современные реалии российского Северного Кавказа. Предлагаются возможные варианты ответа на вопрос, что делать с предпринимаемыми различными акторами исторической политики попытками эксплуатации исторического прошлого северокавказских народов, адыгов в частности. Обосновано положение о том, что культура является основой не только взаимосвязи памяти и идентичности, но и взаимопонимания народов. Сделан вывод о том, что в полиэтничном регионе политика, основываясь на диалоге, должна быть нацелена на межэтническое согласие и сохранение каждой культурной/этнической единицы. В целях укрепления единства гражданской нации и российской национальной идентичности ставится проблема выявления объединяющих компонентов для всех российских этносов.

Ключевые слова. Историческая память; идентичность; историческая политика; культура; российский Северный Кавказ; российская гражданская нация.